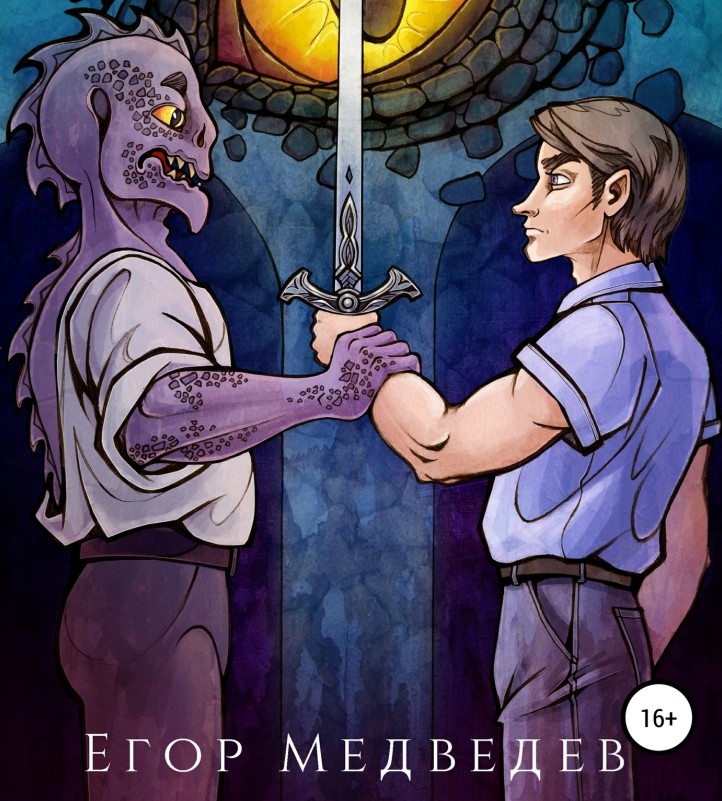

ANNUIT CEPTIS

ЕГОР МЕДВЕДЕВ

16+

Егор Медведев

Annuït Coeptis

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63440711

SelfPub; 2020

Аннотация

Влад, второкурсник Политехнического университета, знакомится с Артёмом, молодым тренером кружка исторического фехтования. Артём собирается отомстить за деда и планирует убийство. Ему удаётся привлечь к этому и Влада. Вот только всё ли было так, как хочет показать Артём?

Егор Медведев

Annuit Coeptis

ANNUIT COEPTIS

Артему А., настоящему Воеводе, посвящается...

Я маску сорвал у жизни с лица
В надежде закончить игру...
Но бились в груди чужие сердца —
Горела свеча на ветру...
«Черные птицы» В. Белов

Прошло беззаботное летнее время. Впереди – девять бесконечно-долгих учебных месяцев. Все одноклассники Влада распрощались с летними делами и целиком погрузились в учебу. Штудировали учебники, выискали ответы на каверзные вопросы, заносили их в специально заведенную для этого тетрадку и берегли ее до экзаменов пуше зеницы ока. Влад же так и не смирился, не хотел отпускать лето. Ведь он еще столько не успел! Собирались с друзьями прыгнуть с парашютом, да как-то не сложилось, собирались в горы, да не нашлось времени, ходили, правда, под парусом в заливе, так и то, только раз.

Теперь его друзья все больше проводили время в клубе, где можно от души надраться пива, потусить с девушками, или тупо поржать друг над другом. Скоро и Влад втянулся в такую жизнь. А что? Он молод, крепок, девчата на него так и вешаются, и, кажется, сама фортуна или судьба, к нему благосклонна. Тому выпадало множество подтверждений. На память Влад тоже не жаловался – он мог совершенно не конспектировать лекции преподавов, и на следующих парах все подробно пересказать. Учителей это, почему-то, страшно бесило, а у однокурсников вызывало зависть и вполне понятное раздражение. В то время, пока они зубрили механику грунтов, он ходил по вечеринкам и отвязно веселился. И совершенно не грел голову предстоящими экзаменами. Наверное, Влад смог бы стать блестящим учеником, если бы не его «патологическая» лень и «эпатажные» выходки, как выражалась Антонина Павловна, а говоря проще – пофигизм и хулиганство. Многие преподаватели считали его пропащим человеком. Бессмысленным прожигателем жизни, разгильдеем и даже вором. Чувствовать такое отношение к себе было бы, наверное, очень обидным, если бы у Влада уже давно не выработался иммунитет к чужому мнению. Не сказать, чтобы он был совсем уж потерянным учеником – по некоторым дисциплинам имел твердые четверки, и даже пятерки, но это лишь по тем предметам, которые ему нравились. К которым лежала душа. Там же, где было необходимо проявить волю, силу характера, заставить себя дис-

циплинированно и методично вникать в сложные и нудные процессы, там все было конкретно плохо.

Несколько раз его хотели исключить из университета еще на первом курсе и один раз на текущем, втором. Слава Богу, вмешались родители, у которых были какие-то завязки с руководством. Влада оставили. Терпели его выходки, скрипели сквозь зубы, но все равно держали. А Влад серьезно не понимал, как можно учиться в такое время, когда всё вокруг кипит жизнью? Для чего тратить драгоценное время на всю эту лабуду? Молодость проходит, а вместе с ней и самое лучшее время. Ну скажите, для чего ему в будущей жизни пригодится этот «увлекательный» мат анализ? А этот сопромат? Работать по специальности Влад не собирался – сюда его засунули родители. И то, только потому, что у них здесь были плотные связи. И еще потому, что сами всю жизнь посвятили данной профессии и хотели, чтобы сын продолжил их славное дело. А сын этого совершенно не хотел! По правде сказать, он и сам плохо представлял свое будущее, кем хочет стать, в конце концов. Но уж точно не инженером и, тем более, не строителем! Да и что сейчас заморачиваться об этом? Жизнь сама все расставит на свои места.

Как раз первую пару сегодня должен вести Антибиотик, самый ярый недруг Влада, с чьей легкой подачи за ним и закрепились дурная слава. На самом деле его звали Виктор Эдуардович, но за любимую манеру всех «лечить», вернее, по его мнению, пытаться вправить мозг отбившемуся от рук

молодому поколению, студенты выбрали ему точное прозвище – Антибиотик. Так вот, с этим Антибиотиком у Влада и вышла прескверная история.

Это случилось еще на первом курсе. В тот день Виктор Эдуардович слегка опоздал на пару, или правильнее будет сказать – задержался. Едва он переступил порог, вспомнил, что забыл в каморке наглядный материал – он всегда серьезно готовился к лекциям – и попросил Влада принести их.

– Влад, будь так добр, сходи, пожалуйста, за ними. Они на столе, сразу увидишь. Вот ключи, на случай, если там закрыто.

Влад нехотя взял ключ и побрел за чертежами. По пути он решил воспользоваться предоставленной возможностью и зашел в туалет, чтобы заодно и покурить. После чего уже сходил в лаборантскую за чертежами. Учитель недовольно посмотрел на него – где так долго носило! – но ничего не сказал. Зато после уроков и произошел тот самый скандал. Влада вызвали в кабинет к заведующей учебной частью. Там уже сидел Антибиотик с группой учителей.

– Вот, полюбуйтесь, Антонина Павловна! Молодой, да ранний! Герой дня!

Антонина Павловна окинула властным, и в то же время печальным, взглядом вошедшего Влада, «молодого да раннего». Сняла очки и провела по лицу рукой, словно смывая с него груз усталости.

– У тебя ведь такие замечательные родители, Влад, – при-

ступила она. – Ты учишься на престижную профессию в одном из старейших университетов города. Что же тебе еще не хватает?

Влад непонимающе уставился на нее, перевел взгляд на коллегия. Те смотрели на него глазами полными холодного презрения. Надо же, среди них были и учителя, которые Владу были симпатичны... раньше. Что же он такого сделал?

– В смысле? – спросил Влад. – К чему вы клоните?

– Надо же, он еще и не понимает! – всплеснул руками Антибиотик. – То есть лазить по чужим карманам и воровать оттуда деньги, для тебя это уже ничего особенного? В порядке вещей?

– По каким карманам? – продолжал недоумевать Влад. – Я ничего ни у кого не воровал.

– То есть, ты хочешь сказать, что это не ты сегодня залез ко мне в карман и вытащил оттуда пять тысяч рублей?

– Когда бы я ус... – начал было Влад и осекся. Сегодня он ходил в лаборантскую, открывал ее и забирал оттуда чертежи. Он еще успел заметить, как на вешалке висела синяя куртка Антибиотика, в которой он всегда ходил. Ее правый карман был немного оттопырен...

– А деньги где были? – начиная что-то понимать спросил он. – Не в правом ли кармане?

– В правом! – воскликнул Антибиотик. – Именно в правом! Откуда бы ты знал, если бы не залез в него?

А в голове Влада бешено вертелись мысли. «Что это? Под-

става? Зачем? Или же и вправду у него их кто-то украл. А может быть и сам посеял где-то!»

– Вы хорошо посмотрели? – спросил Влад. – Может быть они завалились куда-нибудь за подкладку?

– Хорошо посмотрели! – передразнил его учитель. – Только, наверное, не так хорошо как ты!

– Не брал я ваши деньги! – выпалил Влад. – Если понадобится, мне отец даст сколько надо!

– Подождите! – остановила перебранку Антонина Павловна. – Давайте еще раз, по порядку. Виктор Эдуардович утверждает, что когда он переодевался, то деньги еще находились у него в кармане.

– Совершенно верно! – подтвердил Антибиотик. – В правом кармане! Не думал, что теперь даже в своем кабинете деньги нужно под замок прятать!

– Подождите! – снова перебила его Антонина. – Вы сказали, что пропажу заметили сразу?

– Да. Сразу после звонка я пошел в лаборантскую, чтобы вернуть чертежи на место и заметил, что куртка висит не так, как вешал ее я. Да еще и карман был странно оттопырен. Я не хотел думать ничего плохого, но все же проверил. Денег там не оказалось. В кабинет, кроме Влада больше никто не заходил. Я спрашивал коллег. – Антибиотик кивнул в сторону сидевших. Те дружно закивали головой и подтвердили, что в кабинет из них никто не возвращался – у всех шли пары.

Теперь Антонина Павловна повернула голову к Владу и пристально посмотрела на него. А внутри у Влада все кричало от возмущения. Но он твердо и спокойно сказал:

– Не брал я его денег. – Влад смотрел на Антонину и видел перед собой не ее, а Зою Ильиничну, школьного классного руководителя. Он вспомнил как она, думая, что Влад ее не слышит, говорила родителям друзей, чтобы они запретили играть с ним. Видите ли, он оказывает на них дурное влияние! У них падает успеваемость и, вообще, от него можно нахвататься только дурного! Влад закрыл глаза, чтобы вытеснить эту картинку из головы и услышал:

– Может быть ты не хотел, а так получилось? – предположила Антонина.

Тут Влад взорвался.

– Что вы со мной говорите, как с маленьким! Не брал я ваших денег!

На последних словах голос его все же дрогнул. Влад резко повернулся и направился к выходу.

– Подожди, – донесся до него визгливый голос завуча. – Мы тебя еще не отпускали!

Но дверь он за собой уже закрыл. Уходя, он еще слышал жалобы Антибиотика: «Нет, не то, чтобы мне так было жалко этих денег – не такая уж и большая сумма! Но сам факт! В своем же кабинете...».

Что там дальше было с этой историей, Влад не знал. То ли нашел Антибиотик свои деньги, то ли нет. То ли их вообще

не было. Как бы то ни было, с этим вопросом Влада больше не трогали, а он и не спрашивал.

– Не пойду к нему сегодня на пару, – подумал Влад. – Лучше посплю, пользы больше будет.

Только поспать ему не дали.

– Ты почему еще в постели? – удивилась мать.

– Нам сегодня ко второй паре, – попытался слукавить он, но тут в разговор влез Славка, младший брат.

– Все он врет! Сам вчера говорил, что ему с утра на занятия. Просто у него Антибиотик урок ведет, вот он и не хочет идти!

Владу захотелось треснуть братишку по голове – вечно он влезает, маменькин любимец!

– Быстро одевайся! – приказным тоном сказала мать. – Заодно поможешь Славке самолет дотащить до школы.

Влад нехотя поднялся и побрел к ванной чистить зубы, по пути дав братишке легкую затрещину.

– Мама, что он! – сразу закричал тот. – Скажи ему!

Славка учился в пятом классе 108 школы. В той же самой, в которой в свое время учился и Влад. Только в отличие от него, учиться Славке нравилось. Может быть, немалую роль в этом сыграл и Регин. Он работал в школе трудовиком и заодно вел кружок авиамоделирования. Там они вместе с детьми строили модели самолетов, от планеров до современных истребителей, от самых простых до удивительно сложных. Те, что просто стояли и те, что могли летать. Их

работы неоднократно занимали первые места на всех городских выставках. А вокруг Регина всегда крутилась куча ребяташек, тех, кого он заразил любовью к небу. С нетерпением они дожидались конца уроков, чтобы с учителем отправиться на школьное поле, где испытывали новые модели, давали полетать старым, а иногда просто пускали воздушных змеев. Славка был без ума от всего этого.

Вот и сегодня Влад со Славкой тащили здоровенную модель бомбардировщика С-22, в простонародье за громадные размеры и мощь прозванного «Ильей Муромцем». Учитель должен был взглянуть на него и подсказать, что можно исправить, чтобы он взлетел. Целых два месяца брат с друзьями клеили его, но в воздух поднять так и не сумели. Влад же скептически относился к этой затее.

– Он слишком большой. Не полетит. – Пытался вразумить он младшего, но тот не слушал.

– У Алексан Александрыча обязательно полетит! – уверенно заявил он. – Вот увидишь!

Влад помог брату аккуратно затащить самолет в мастерскую трудовика, вышел на улицу и огляделся. Надо было погулять где-то полтора часа, так, чтобы не «светиться». Он же решил, что не пойдет сегодня к Антибиотику на пары? Значит не пойдет! Выходя за территорию школы, он наткнулся на Артема. Тот тоже учился в Политехническом, только на курс старше. Влад просто хотел пройти мимо, но почему-то остановился и произнес: «Привет!». Что заставило его

это сделать, непонятно. До этого с Артемом они совершенно не общались, и даже не здоровались, проходя одним коридором. Станным он был каким-то. Себе на уме.

– Привет! – ответил Артем и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, располагающая. – Брата провожал?

– Ага! Модель у него слишком большая – не донес бы, – ответил Влад и тут же одернулся. С чего это он вдруг перед ним оправдывается? Влад насупился и попытался взять разговор в свои руки – А сам – то ты что здесь делаешь? Пары-то уже начались!

Но Артем не ответил. Он всматривался в окна школы, будто кого-то искал. Не дождавшись ответа, Влад двинулся дальше.

Небо было малооблачным, чистым. Его ненавязчивая безмятежность невольно передавалась и Георгию, наполняя душу гармонией, умиротворением и такой же чистотой. Здесь, наверху, был другой мир, в котором царила первозданная легкость и тишина. Ровный гул моторов давно уже стал частью летчика, как биение сердца, как пульсация крови в артериях, без которого он не смог бы долго прожить. И сейчас он слышал только эту звенящую тишину, пил глазами пьянящую синь. Сам себе Георгий казался огромным орлом, широко раскинувшим крылья над своими владениями и сле-

дившим, не посягнул ли кто на его воздушные границы. Сейчас он обследовал квадрат не один, с парой «желторотиков», которых следовало поставить на крыло.

– Держись ровнее, тебя сносит на меня! – Голос Георгия еле прорывался сквозь помехи эфира, и слова вязли в шуме бесконечных щелчков и потрескиваний. Чтобы они достигали ушей ведомых, ему приходилось кричать. – Третий, не отставай!

«Желторотики» следовали за капитаном Коваленко чуть позади и в стороне, образуя клин. Равнобедренный треугольник, фигура, вообще-то, крайне устойчивая, только у этого идеальных пропорций никак не выходило. Его нижние углы то смещались в стороны, то, теряя высоту, опускались.

– Федотов, ты там не уснул на штурвале? Сейчас в штопор уйдешь! – выругался командир, глядя как самолет ведомого периодически клюет носом. Халтурить стали товарищи инструктора, ускоряют обучение. Оно и понятно – война... В его годы с таким налетом к боевой машине даже бы не подпустили, а тут нате вам...

– Заканчиваем облет и возвращаемся на базу!

Небо оставалось спокойным. На земле тоже никаких перемещений солдат и техники не наблюдалось. Да и не должны они здесь быть. Этот участок фронта был относительно тихим, поэтому сюда и направляли неопытных выпускников летного училища. Чтобы пообвыкли малость, да и опыта поднабрались. А как иначе, не сразу же в пекло ребят по-

сылать? Хотя те и рвались. Обижались даже, когда попадали сюда, а не сразу – под Сталинград. Вот и приходилось Георгию Васильевичу, капитану Шестой воздушной армии, втолковывать ребятам что да как, учить их уму разуму. Хотя самому еще было слегка за тридцать.

– Кажется, немцы! – послышался в динамике приглушенный голос Петренко.

Подающий надежды летчик, Петр Петренко. Георгий иногда узнавал в нем самого себя: молодого, азартного, упивающимся полетом. Его не могла удержать никакая сила притяжения, если его звало само небо.

Теперь Коваленко и сам заметил приближающиеся черные точки. Их тоже было трое: два «юнкерса» и «мессер». «В другой раз встретиться бы с ними, когда за ним стояли бы не зеленые юнцы, а проверенные боевые товарищи. Да хоть бы и один!» – со злостью подумал Георгий.

– В бой не вступать! – крикнул он в рацию. – Возвращайтесь за помощью, попробую их увести!

Георгий прекрасно понимал, что никакую помощь привести они не успеют – сейчас важнее было заставить их уйти, и что еще важнее – предупредить аэродром.

Немецкие самолеты открыли огонь. Для прицельной стрельбы они были еще слишком далеко. Скорее, это было приглашением к бою, вызовом. Георгию вспомнилась Испания, где он успел немного повоевать. Тогда фашистские самолеты сами пытались уйти, едва заметив советские «И-16»,

несмотря на равенство сил. А теперь... поднаторели, что-ли... Тут ему пришлось крепко выругаться. Петренко словно бы не слышал его приказа. Неуклонно продолжал вести самолет на неприятеля, также открывая огонь. Принял вызов. «Дурак!»

– Немедленно вернись! Это приказ! – продолжал орать в рацию Георгий, и уже понимал, что поздно. Боя не избежать. Он видел, как Федотов, покинув строй, бросился на помощь. Скрежетнул зубами. Все валилось к чертовой матери! Неподчинение приказу в военное время это – трибунал. Конечно, под расстрел он их не отдаст, но, если удастся вернуться живыми, обязательно накажет, на две недели отстранит от полетов! Но теперь, не бросать же их!

Капитан взял курс на «мессер», который шел, как и он, посреди клина. Его легонький «ишачок», уклоняясь от пулеметных очередей, направился в лобовую. Вся надежда была на маневренность и пушки. Если упустить «мессер», тот уйдет на недоступную им высоту, и оттуда расстреляет поочередно, как курят. Георгий открыл заградительный огонь. Попасть практически невозможно, но попытаться нужно! Подойти поближе, совершить крутой вираж, и сесть на хвост. Краем глаза заметил дымящийся «Юнкерс». Тот падал, вращаясь вокруг оси. Зря, он, наверное, ругал инструкторов, птенцы-то уже умеют клеваться!

И еще он понял, что они попали. Seriously и основательно! За разведчиками следовало шесть бомбардировщи-

ков и три сопровождающих истребителя. Наверняка летели бомбить аэродром! Размышлять было некогда, задачу они с треском провалили: проморгали противника, штаб не предупредили. Оставалось одно: попытаться остановить их своими силами или смыть позор кровью. Как можно меньше бомб должно долететь до аэродрома! Хорошо, гусь! Размечтался, расслабился! Ладно юнцы, но ты-то... стреляный воробей!

Георгию удалось развернуться и выпустить очередь по мессеру. Пули прошли по обшивке правого крыла, не причинив, однако, заметного вреда. Немца качнуло, но он смог выровнять машину и стал резко подниматься, почти вертикально. Теперь его не догнать!

Сзади уже открыли стрельбу подходившие истребители. Положение становилось критическим. Коваленко огляделся, его ведомые еще держались. Ничего, проживем еще! Злая волна холодом прошла по телу.

«Хорошо, что это случится в небе, – вдруг спокойно подумалось ему. – Ребят жалко, конечно, жизни еще не видели!». Но смерть в воздухе не казалось ему столь страшной, как если бы на земле. «Здесь мы в своей стихии, в своем мире! Только здесь мы и жили по-настоящему. По ошибке родились внизу, но умрем здесь, где и должны! Пусть небо примет нас, пусть мы останемся в нем навсегда! Но пусть мы покинем этот грешный мир не одни!». Капитан сам не знал, к кому обращается. Не к богу, конечно, – его нет! Наверное,

к самому Небу.

Маневрируя, сбросил скорость, подпустил вырвавшихся из строя Ме-109 на дистанцию огня, и резко ушел в пике. «Мессеры» не отстали. Тогда он перевел самолет в восходящую спираль, и при выходе из нее, наткнулся на выходящие из горки «сто девятые». Один из них завис в верхней точке прямо у него на прицеле, совсем рядом, в сорока пяти метрах. Промахнуться было нельзя...

Разворачиваясь, Коваленко взглянул как падает подбитый им «худой», и едва разошелся с Федотовым. Тот спешил принять на себя второго. Резко задрал нос, он поднялся, и смог увидеть, как выше кружатся две птицы – Мессершмитт и И-16. Коршун и ласточка. Слишком высоко залетел Петренко, на максимально допустимую высоту. А немец не спешит его сбивать, забавляется. Потерпи, Петя! Сейчас подойду! С немцем в маневры играть затеял! Эх, хоть бы один бомбардировщик сбить! Их сейчас прикрывает лишь один «мессер». Вот бы втроем карусель им устроить! Но что это?

Коваленко тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Показалось, что летит впереди огромный змей. Змей-Горыныч, ей-богу! Прямо такой, про какого бабушка в детстве рассказывала. Только у того было три головы, а у этого одна. Капитан не верил глазам. Вокруг бой, а тут такое чудо-юдо! Интересно, он один его видит, или другие тоже?

Оказалось, что и другие. Один из «мессеров» открыл

огонь и тотчас же был сожжен струей пламени, вырвавшейся из пасти змея. Дальше дракон попросту налетел на группу «юнкеров», сбивая на землю, ломая фюзеляж. Внизу взрывались самолеты, рвались бомбы, заливая холмы огнем. Казалось, кипит ад! За каких-то полминуты вся немецкая техника была уничтожена. Змей яростно ревел, ему тоже пришлось несладко. Вдруг он развернулся и через мгновение оказался возле советских самолетов. Взмахом хвоста он послал Федотова в штопор и тот, потеряв управление, рухнул на камни. Огромным крылом, на котором могло бы уместиться три самолета, он смял машину Петренко и, подхватив ее в воздухе, разорвал могучими лапами. После чего взмыл в небо и пропал.

Все случилось столь стремительно и неожиданно, что Коваленко не успел даже осознать произошедшее. Это не укладывалось в рамки сознания. Еще две минуты назад были они и фашисты, все было предельно ясно. А теперь что еще за неведомое зло? Только что у него на глазах оно уничтожило и врагов, и друзей. Почему же он еще жив? И где сам дракон?

Тут огромная тень легла на самолет. Коваленко почувствовал удар. Машина несколько раз перевернулась и пошла вниз. Он успел одеть парашют. Поток воздуха его вырвало из сиденья. Вверху раскрылось белое облако. Вот за него-то и вцепился дракон и потащил капитана, как безвольную куклу, в сторону леса.

Листья пестрым ковром лежали под ногами. Хрустели, шуршали. Ворчливые дворники уже сметали их с дорожек парка, но налетал озорной ветер и снова набрасывал их обратно. Дворники при этом еще больше супились и еще больше ворчали.

Влад же шел, никого не замечая. Даже негодующих дворников, раздраженных тем, что он здесь ходит, мешает, и помогает ветру расшвыривать листья. В голове вертелась одна только мелодия, некстати, или кстати, вылезшая из памяти детства: «Падают, падают листья в нашем саду...». Дальше слов он не помнил, но эта строка засела в мозгу занозой, вертелась на языке. «Падают, падают листья...». Чтобы избавиться от завязшей на зубах песни, Влад попытался перевести ход мыслей. Интересно, где сейчас их старый проигрыватель? Наверное, у отца в гараже. Пылится где-нибудь на полке. А раньше ведь занимал почетное место в доме и все любили его послушать. Хорошо бы завести его снова. Только иголки нигде не найти. Потом мысли неожиданно перескочили на Артема. Действительно, странный он. Влад постарался вспомнить, что о нем знает. Когда учился на первом, в университете его еще не было. Потом он появился сразу на третьем курсе. Говорят, перевелся с Москвы. Отличник обучения, любимец преподавателей, хотя всего-то здесь

с месяца два. Без плотного блата здесь явно не обошлось. Что еще? Не пьет, не курит, почти ни с кем не общается, мяса не ест, с девушками не встречается. Типичный ботан. Здоровый только. Пятерых четверокурсников уложил, когда те до него докопались. Больше к нему, пока, никто не приставал. Опять же, если бы Влад кого-то избил, сразу бы «хай-вай» поднялся, отчислили бы в тот же день! А тут – все спокойно и гладко! Несправедливо! И, вообще, что он делал возле школы? Тоже брат есть?

– Влад, почему опаздываешь? Пара уже идет! Теперь уже без серьезных оправданий я тебя на урок не пущу!

«Больно надо!» – Лицо Влада непроизвольно скривилось. Антибиотик! Как так угораздило? Собирался ведь прогулять! Задумался, а ноги сами привели прямо в университет. Разгребай теперь! «Пара уже идет!» – мысленно передразнил он Виктора Эдуардовича. «А ты почему не там, а здесь?»

Конечно, всего этого он ему не сказал, лишь молча стоял, уткнув взгляд в пол, и терпеливо сносил льющийся на него поток обвинений.

– С начала учебного года ты не был ни на одном моем занятии. Как собираешься сдавать экзамены? На собрании я буду поднимать вопрос о твоём отчислении! Ты отсюда вылетишь, это лишь вопрос времени! Я тебе обещаю!

– Извините, Виктор Эдуардович! – в тираду учителя влился другой голос. Артем. – Влад задействован в постановке и помогал мне с декорациями.

Взгляд Антибиотика перескочил на Артема. И откуда он здесь взялся?!

– И, скажите, с самого утра нужно было этим заниматься?

– Конечно, ведь спектакль уже через неделю, а работы еще пруд пруди. Хорошо, хоть Влад согласился помочь!

– Вы бы на него не сильно полагались, Артем, – на «вы» обратился к нему Антибиотик. Он ко всем обращался на «вы», кроме Влада. – В самый ответственный момент он Вас подведет. Он даже к собственной судьбе не может серьезно относиться! И Вам, Артем, следовало поставить меня в известность, когда забирали Влада с пар, я бы не ставил ему «н». Хотя, если он не подтянет сопромат, ему и так грозит исключение.

С этими словами доцент развернулся, и с журналом под мышкой, устремился в сторону лестницы.

От сердца отлегло. Влад, конечно, был рад вмешательству Артема, но зачем было вписывать его в какой-то спектакль? Это он ему сразу и высказал, как только Антибиотик исчез с поля зрения. Но Артем его сразу успокоил.

– Не хочешь участвовать, не участвуй. Да у меня там и так хватает рук. На самом деле от тебя мне нужна помощь иного рода. Говоришь, что у тебя в той школе брат учится? А труды у него кто ведет?

– Регин. Александр Александрович, – не понимая, что от него хотят, ответил Влад. – Он еще к нему на кружок авиамоделирования ходит.

– Отлично, – расплылся в довольной улыбке Артем. – А ты сам его хорошо знаешь?

– Ну да, нормальный мужик. Помешанный только на авиации. Говорят, где-то на даче настоящий самолет строит. Хочет полететь на нем. Не знаю, насколько это правда, но модели строит отличные! Славка от него без ума!

– А занятия у них по каким дням?

– Что, тоже хочешь к нему? – усмехнулся Влад. – Тогда опоздал, он работает только со школьниками. Я в девятом классе учился, когда он начал вести. У нас уже другой трудовик был. Пока мы каждый урок круглые болванки в прямоугольники напильником обтачивали, те планеры клеили, да по дереву резали. Как мы им завидовали! Просили, чтобы поменяли учителя, но без толку. К нему и тогда уже ребята постарше приходили, но он их не брал. А занятия... да нет определенного дня. Так договариваются. Вот сегодня, например.

– Жалко, что взрослых не берет, – расстроился Артем. – А знаете, приходите вечером с братом ко мне на тренировку. Я со Славиком пообщаюсь, разузнаю, вдруг, что изменилось. Как-то, может, можно к нему на занятия попасть?

– Хорошо, – почему-то ответил Влад. Наверное, потому, что чувствовал себя обязанным за отмазку. – А что у тебя за тренировки?

– Да так... что-то вроде исторического фехтования... клуба по интересам. Да придешь, сам увидишь! В пять часов

в Екатеринбург, где стадион, знаешь?

– Знаю, был там пару раз.

– Хорошо, тогда до вечера!

Влад лишь махнул рукой на прощанье. Далековато тащиться, скажу, что не получилось. А пока надо подумать, где еще провести целый час, ведь теперь-то его официально отпустили!

Влад забирал Славку с кружка. Тот был в хорошем настроении, только немного огорчен, тем, что поднять их самолет в воздух так и не получилось.

– Как ты узнал, что он не полетит? – допытывался он. – Сан Саныч сказал, что он слишком тяжелый. Но он же бомбардировщик, он и должен быть таким! Сан Саныч сказал, что еще не все потеряно, что он посмотрит, что там можно сделать. Тогда мы к нему приделаем мотор и будем через пульт управлять!

Славик мог говорить, не замолкая, очень долго. Влад, конечно, понимал, как тот расстроен неудачей, ведь столько сил и труда вложено в этот С-22, но выслушивать длинный монолог после тяжелого учебного дня, у него не было ни сил, ни желания. Чтобы заставить брата хоть как-то замолчать, он спросил:

– Музыку будешь слушать?

– Ага, – послушно кивнул Славка, – А какую?

Влад уже распутал наушники и вставил одно «ухо» брату, другое – себе.

– Какая выпадет.

Чтобы амбушюры не выскакивали от неровных шагов, он приобнял брата за плечо. Так и пошли. А из плеера лилась «Ария»:

Война гонит ветер ужаса, пепел веков и дней.
Судьба вещей птицей кружится над головой моей.
Время, как змей, вьется вокруг себя,
В книге смертей будет глава моя.
Дух оставил плоть, но покоя нет,
Я хочу сберечь заповедный свет.
Я – хранитель свеч на границе Тьмы,
Свет ковал мой меч для своей войны.

Меченый злом, мертвым огнем,
Лоб твой горит, и не скроешь клейма,
Меченый злом, в сердце пустом
Спрятался страх, тени сводят с ума...

Он не сразу вспомнил про обещание Артему. Пришли домой, поели. Славка сразу уселся за тетради. Отец в зале досматривал какой-то низкосортный боевичок, мать «застреляла» в «Одноклассниках». А что делать ему? Не уроки же!

И вот здесь он вспомнил про приглашение.

– Славка, пойдем! Съездим в одно место?

– В какое?

– Тебе понравиться!

– Нет, не могу, – бросил брат через спину. – Уроки делать надо!

«Ну и правильно! Что и требовалось!»

Влад накинул ветровку, затянул потуже кеды.

– Влад, ты куда? Темнеет уже!

Это мать.

– Скоро буду! Артем в гости пригласил.

– Какой Артем?

– Ты его знаешь, у нас на третьем курсе учится.

– А, Коваленко? Хороший мальчик! Ты мне от него позвони, как доберешься. И не сиди допоздна!

К месту Влад приехал поздно, тренировка уже закончилась, и ребята плотно укутывали деревянные мечи в ткань.

Артем первым подошел к нему.

– Один?

– Да, – кивнул Влад, объясняя отсутствие брата. – Уроков много задали, сидит, делает.

– Жаль. Познакомься пока с ребятами. Это Стас, Алихан...

Артем подводил к каждому, и каждому Влад жал руку. Всего их было двенадцать. Пятеро примерно их возраста,

остальные помладше. Самому маленькому было лет четырнадцать.

– Вот здесь мы иногда занимаемся, – обвел стадион рукою Артем. – Наше будничное ристалище. Сюда мы ходим так, для поддержания формы. Основные занятия у нас по выходным, за городом.

– На сегодня все! Тренировка закончена! – повернулся он к ребятам. – Следующее занятие в субботу, на базе. Едем с ночевой. Позже позвоню каждому, скажу, кто что берет. Встречаемся полдевятого на вокзале, как обычно.

Ребята, выслушав, и пожав на прощанье руки, двинулись к выходу из парка. Артем же, завязывая большой рюкзак, предложил:

– Ну что, заскочим ко мне, раз уж пришел?

Жил Артем от парка недалеко. Пешком добрались за двадцать пять минут. Всю дорогу Влад молчал, временами выдавая нечленораздельные «угу» и «ага». Думал. «Зачем я связываюсь, ведь это же натуральный детский сад! Кольчуги, доспехи, деревянные мечи...». А Артем изливался про бастарды-полуторки, про кольчужные плетения, и о том, как луки из ПВХ приходят на смену своим «деревянными» собратьям. Влад уже собрался извиниться, сославшись на неотложные дела, и уйти, но, оказалось, поздно.

– Вот мой дом!

Поднялись на верхний этаж. Во всей парадной не было

света, и Артему пришлось повозиться, открывая железную дверь. Квартира встретила Влада проломом в стене. Прямо на кухню.

– Не обращай внимания, ремонт затеял. Когда-нибудь доделаю. – Артем нырнул через дыру. – Проходи, располагайся! Я пока арбуз помою!

Пока хозяин возился с ягодой, Влад прошел в гостиную, нашарил выключатель и обомлел... На всех стенах, занавешенных коврами, висело оружие. Как в музее. Отблески лампочки, что свешивалась с потолка на одном проводе, перескакивали с лезвий сабель на грани мечей. Влад не смог сдержать восхищенного возгласа. Не то, чтобы он был фанатом холодного оружия, но какой мужчина останется равнодушным при виде такой коллекции?

– Нравится? – в проеме возник Артем с подносом, на котором покоился гигантских размеров арбуз. Он поставил его на стол и снял со стены длинный изогнутый нож в потертых кожаных ножнах.

– Мачете? – Влад встречал похожие в кинофильмах.

– Нет, – обиделся Артем. – Где ты видел, чтобы мачете так украшали?

По всему лезвию ножа шла витиеватая гравировка. Она сильно затерлась, но было видно, что это действительно, произведение искусства.

– Кукри, – пояснил Артем. – Меч бога Шивы.

Он легко взмахнул им, и попка арбуза полетела на стол.

– Хорошо рубит! И так же хорошо режет!

В доказательство своих слов он быстро разделил арбуз на дольки.

– Угощайся!

Пока Влад «приговаривал» арбуз, Артем рассказывал про коллекцию.

– Дед мой большой любитель был всевозможных клинков. С Европы много напривозил, когда воевал. Вот, например, пуукко, то есть финка. Вот немецкий траншейный нож. А это – моя любимая – мизерикордия!

Артем протянул ее Владу. На вид она выглядела как нечто среднее между кинжалом и стилетом. Тонкое четырехгранное лезвие тянулось в длину на тридцать сантиметров. Гарды практически не было.

– Настоящая? – восхитился Влад.

– Обижаешь! Конечно, настоящая! Такой кинжал был на вооружении всех госпитальеров. Тонкое лезвие легко проходило сквозь щели доспехов. В основном, им добивали уже поверженного противника. Так называемый кинжал милосердия для *coup de grâce*.

– Да у тебя тут настоящий музей! – искренне восхитился Влад, возвращая «милосердный» клинок. Его взгляд упал на шкаф, где на подставке покоился задвинутый в ножны японский меч. – А вон та катана тоже настоящая?

– Это не катана. Это ее предок, дайто. И он, конечно, не настоящий. Больше половины здесь – сувениры. Это уже

я покупал. Деду интересны были только европейские образцы. Если хочешь настоящего древнего оружия, посмотри, – Артем проводил Влада к небольшой витрине. – Антиквариат. Найдено на раскопках.

На бархатной подложке лежала продолговатая изржавевшая пластинка метала.

– Как утверждает надпись – скрамасакс. Вернее, его остатки. А это, возможно, девятый век. А то и восьмой. Дед кучу денег за него отвалил.

Глаза разбегались среди многообразия экспонатов и, наконец, остановились на огромном, извивающемся как змея, мече. Явно современной работы.

– Можно поддержать? – неуверенно спросил Влад, опасаясь, что Артем запретит.

– Конечно! – Артем снял его с крючка. – Копия фламберга, пламенеющего меча.

Влад осторожно взвесил его в руках. Тяжелый.

– За сталь не берись, следы оставляешь! – сделал замечание Артем. Влад спокойно проглотил его, но все же захотелось дать по затылку этому задаваке. Вот этим самым мечом. Но Артем, казалось, даже не заметил перемены настроения гостя.

– Считалось, что сам архангел Михаил был вооружен таким же. – продолжал он менторским тоном. – В руках мастера подобный меч был очень грозным орудием. Раны, полученные им, не заживали. Даже самое легкое ранение грози-

ло потерей руки или ноги. Из-за этих своих свойств, со временем, взгляды на него переменились. Из благословенного святого оружия оно перешло в разряд дьявольских.

Влад еще раз взглядом пробежал по хищному лезвию. Представил, что бы он почувствовал, если бы ему предстояли биться с противником, вооруженным таким мечом. Да, в рукопашной такой клинок должен был внушать ужас. Но какой-же недюжей силой нужно обладать чтобы размахивать такой громадиной!

Всю коллекцию можно рассматривать целый день. Но на улице уже слишком темно, да и мать волнуется, наверное. Еще и на трамвай нужно успеть!

Артем, провожая, напомнил о тренировке.

– В субботу зайду за вами. Посмотрите, как мы живем! Только про оружие никому не говори, конечно же, лицензия есть на все, но... тем не менее...

Георгий очнулся от легкого подергивания за плечи. С трудом разлепил глаза. Потeki крови из разбитого лба высохли и залепили ресницы. Он обнаружил себя лежащим среди камней, у основания небольшой горы. Вокруг плотной стеной стоял лес. Изодранный в мочало парашют трепыхался рядом, словно пытаясь выдернуть себя из-под придавившего его большого камня. Ныла нога. Трещина? Перелом? На-

щупав замок, капитан отстегнул его, захотел приподняться, но резкая боль пронзила суставы. Со сломанной ногой далеко не ушагаешь! Капитан крепче стиснул зубы, не позволяя вырваться стону. «Ни в коем случае не поддаваться отчаянию. Меня найдут! А не найдут, сам доползу! Зубами в землю вгрызаться буду, но доползу!»

Он перевернулся на живот, осторожно перевернув ногу. Крови не было. Уже хорошо! Могло быть и хуже! Нужно как-то взобраться на холм, чтобы определиться с дальнейшим маршрутом. Не смотреть вверх, не смотреть вниз. Просто перебирать руками, и подтягивать сломанную конечность. Раз за разом, движение за движением. Пусть боль станет не помехой, а союзницей, пусть подстегивает к действию! Если что-то болит, значит, еще жив! Повоюем!»

Георгий полз вверх, делая небольшие остановки, когда боль становилась невыносимой. Собирался силами и продолжал ползти. Вершина холма стала его основной задачей, возможно, главнейшей в его жизни. Он должен добраться, и это первый рубеж на его дороге домой!

Небольшая передышка. Уж виден каменистый гребень. Забраться на него и осмотреться. Остался последний бросок! Но глухой и утробный рык заставил его застыть. Гребень сам двинулся навстречу. Через мгновение перед лицом капитана выросла чудовищная морда змея. Холодные немигающие глаза, клыки с локоть длиной, ноздри, огромные, что в них легко бы поместилась человеческая голова. Все дыша-

ло яростью и неотвратимой смертью.

– «Все-таки, на земле!» – промелькнуло в голове капитана. Он нашел в себе силы, чтобы совершить последнее в своей жизни действие – встать! Несмотря на сломанную ногу, несмотря на боль, встать! Не повезло умереть в небе, так хотя бы стоя на земле. Капитан, встать!

Стиснув до скрежета зубы, он все-же сумел подняться и заглянуть в глаза чудовищу. Без страха, спокойно и уверенно, словно говоря – ты убил меня, но не победил! Так они простояли некоторое мгновение, пока подобие улыбки не появилось на оскаленной пасти зверя.

– Что за удивительная встреча! Дракон и Георгий! Что-то в этом есть, не находишь?

«Он еще умеет говорить! Кто это?»

– Кто ты? – Георгий повторил свою мысль вслух.

– Не важно! Сейчас важнее, кто ты! Должен сознаться, наша встреча не случайна. Я спас тебе жизнь и сейчас ты мне нужен.

– Спас мне жизнь! – Волна негодования захлестнула капитана. – Спас жизнь мне, а мальчишек убил! Я не просил об этом!

– Они бы все равно погибли!

– Еще не известно!..

– Ложь! – перебил дракон. – И ты сам это знаешь. Этот исход событий был предрешен. Я лишь вмешался в твою судьбу, и теперь даже не знаю, чем заплачу за это. Скажу лишь

честно, было бы легче, если бы ты погиб. Но случилось, как случилось, и ты тот, кто есть. Теперь, взамен моей помощи, я прошу лишь о небольшой услуге.

– Я не просил тебя вмешиваться, – продолжал твердить капитан, чувствуя, что запас адреналина, помогавший держаться, стремительно иссякает, земля начинает раскачиваться, чтобы выпрыгнуть из-под ног.

– И ты бы спокойно умер, зная, что не справился с простой задачей, и что аэродром разнесут из-за тебя? Тогда, посчитай, сколько бы людей погибло из-за твоей ошибки? Ты этого хотел?

– Нет...

– Как видишь, я спас не только твою жизнь и честь, но и жизни многих. Думаю, такая плата стоит одной маленькой просьбы?

Дракон выдержал паузу, плавно перемещаясь за спину капитана. Его голос стал тверже и резче.

– От тебя мне нужно лишь одно – добудь Грам и принеси мне. Он должен быть уничтожен... ради блага всех.

– Что за... грамм? – красная заволочь заливала глаза, голова поплыла и ярость уступала место смертельной слабости. Перед тем, как рухнуть в беспамятстве, Георгий еще раз услышал раскатистый голос и слова грозные, пробивающие ватную перину глухоты.

– Ты узнаешь его! Принеси!.. Обманешь – проклянешь себя! Я растопчу всех, кто тебе дорог! А твоей дочке, Ксении,

кажется, четвертый годик пойдет? Не подведи ее! Ты должен... должен... должен...

Не таким представлял себе пионерский лагерь Влад. «Орленок» оказался давно заброшенным и всеми позабытым комплексом. Забытым всеми, кроме одной бабки, что когда-то нашла приют в одном из его домиков, и пожилого сторожа (он это звание не любил и звал себя просто начальником лагеря). Целыми днями он сидел на завалинке и пускал дым. И все ключи от лагеря были всецело в его руках. Дядя Ваня, как его называли ребята, оказался человеком простым и бесхитростным. Очень обрадовался пакету продуктов, что привезли ему из города в качестве подарка, а вот к блоку сигарет отнесся с порицанием.

– Зачем это? Химия же все! У меня только натуральное, природное!

И вправду, за его домиком произрастала целая плантация табака, разных сортов и крепости. На чай и табак старик не тратился. Заваркой же ему служили листья малины, мяты и плоды шиповника.

Пакет и сигареты дядя Ваня неспешно занес домой, даже не разуваясь, и вышел уже со связкой ключей.

– Располагайтесь, где получше, – передал он их Артему. – Потом зайду, проведу. Только не сорите и ничего не ломайте.

те!

– Как обычно, дядя Вань! – улыбнулся Артем. – Остановимся там же.

– Да... и не пейте!

– Мы же спортсмены! – продолжал улыбаться Артем. – Как можно?!

Да, знаю! – махнул рукой дед. И спускаясь, крикнул уже уходящей компании.

– Все-равно... не пейте!

Команда заняла большой, в прошлом – живописный дом, фасадом выходивший на поросшее жухлой метровой травой поле. Два больших окна грустно смотрели на него. Им помнились времена, когда их оглушал детский смех, задорный и залиvistый, а на поляне напротив проходили веселые игры. Сейчас же здесь царила абсолютная тишина. Щемящая атмосфера тоски и одиночества. Покинутости. Усугублялось это впечатление, наверное, и общим увяданием природы. Пустели леса, птичий крик становился реже, и в холодном воздухе медленно кружили листья.

Выбранный дом имел две веранды с разных сторон. Одна – наглухо заколочена, а на второй висел большой ржавый замок. Артем не без труда провернул ключ, и вся компания разом ввалилась в дом. Влад со Славкой были единственные, кто был здесь впервые. Остальные же чувствовали себя как дома. Видимо, их обязанности были распределены зара-

нее, потому что, не тратя лишних слов, каждый занялся своим делом. Кто-то отправился за водой, чтобы промыть пол, кто-то – за дровами, кто-то расчищал площадку. Владу стало неудобно, что не может найти применение для себя, и он спросил Артема:

– Мне чем помочь?

– А ничем! – просто ответил тот. – Вы у нас впервые, гости, можно сказать! Так что, осматривайтесь, а мы сейчас все организуем!

Пока все были заняты, братья исследовали домик. Он имел две комнаты, когда-то разделяемые дверью, давно уже выбитой. Приметили лестницу на чердак, вернее, скобы, вбитые в стену и выполняющие функцию лестницы. Под крышей было много пыли и уютное круглое оконце посередине, куда вылетели ошарашенные вспугнутые ими летучие мыши. В потолке обнаружилась небольшая дыра, а под ней – одинокое, мягое железное ведро.

Когда спустились, пол был уже вымыт и высушен, костер горел, а еда варилась.

– Выбирайте, кто где спать будет! – распорядился Артем. – Лучше сделать это заранее, пока светло.

Ребята расстилали карематы прямо на пол, и клали поверх них спальные мешки. Влад же бросил свои сразу возле окна, затянутого плотной пленкой в несколько слоев. Пусть немного поддувало, зато отсюда не было видно пугающе-темного чердачного зева с его обитателями.

– Ну, как, разомнемся перед обедом?

Это Артем уже собирает команду в строй. Впереди трехкилометровая пробежка до озера и обратно. Не простая, она чередуется гусиной ходьбой, бегом с захлестом голени, с увеличением и снижением темпа бега, а также ходьбой на руках с поддержанием ног. Славка держится наравне со всеми, не отстает и не жалуется. Влада взяло даже что-то вроде легкой гордости за брата. Молодец он, все-таки, у него!

Недалеко от лагеря, прямо в лесу, ребятами была сооружена самая настоящая спортплощадка: круглая арена, с нанесенным туда песком, самодельные тренажеры, сколоченные из досок и веток, где в качестве груза использовались камни разной тяжести, и самое интересное, тут была полоса препятствий. Она представляла собой систему из натянутых веревок, привязанных к ним пенькам, по которым предлагалось пройти, и веревочных лестниц, расположенных как вертикально, так и горизонтально.

– Ух ты! – не устоял Славка и, позабыв про усталость, сломя дух бросился к лестнице, ведущей к смотровой площадке на вершине дерева. Артем остановил его.

– Подожди! Сначала нужно проверить, не ослабло ли что.

После тщательного осмотра всей системы, убедившись, что все исправно и надежно, можно приступать и к тренировке. Ребята парами разошлись по тренажерам. Алихан с Петькой схватились за шесты, Стас и Коля самозабвенно дырявили мишени, Сашка у станка работал над своим иде-

альным прессом, а Славка со Степкой болтались на «тарзанке». В общем, каждый занялся своим «профилем». Артем подошел ко Владу со свертком в руке.

– Держи, это тебе!

Влад уже по торжественному лицу Артема понял, что там. Он, конечно, не разделял всей торжественности момента, но постарался развернуть меч как можно с большим чувством благоговейности. Тем более, Артем все оружие и доспехи делал сам.

– Ничего себе! Из текстолита! И когда успел выточить?

Влад держал меч на вытянутых руках и любовался. Покрашенный хром-краской, издали он выглядел как настоящий. Даже дол шел аккуратно посередине клинка. Рукоять, обмотанная кожей, удобно лежала в руке и, казалось, меч, будто живой, просился в атаку.

– Эфес железный, – проговорил довольный Артем. – Его у токарей заказал. Знал, что тебе понравится!

Еще бы! Многие бы из его команды хотели такой же, но пока довольствовались лишь деревянными. Но те от продолжительной рубки покрывались множественными зазубринами, а то и попросту ломались. Этот же меч просто так не сломаешь. Нужны года.

– Ну что, испытаем? – предложил Артем. – Вижу, как не терпится его испробовать!

Воевода, как называли Артема в отряде, подвел Артема к дереву, с которого свисали нанизанные одна на другую

шесть автомобильных покрышек.

– Знакомься, это Балда! Эффективнейшее средство для отработки ударов.

Влад, размахнувшись, стукнул Балду мечом. Резина самортизировала так, что клинок чуть не вылетел из рук.

Артем рассмеялся.

– Держи меч крепче и руби сильнее, от души!

Сжав меч крепче двумя руками, Влад приложился по Балде изо всех сил. Но и это Артема не устроило.

– Не так дышишь при ударе. Вкладывай в удар всю инерцию тела и дыханием помогай!

Он показал, как нужно рубить. От его удара маятник сразу пришел в действие.

– Теперь пробуй ты!

Через пару ударов у Влада начало получаться. Скоро «балда» раскачалась, и наносить удары стало сложнее. Зато интереснее! Артем встал напротив Влада, и вдвоем принялись лупцевать его так, что град глухих ударов переполюшил всех окрестных сорок.

Потом все собрались на арене, где отрабатывали технику зажима меча противника мечом и щитом. Увлеклись настолько, что забыли и про обед! А когда все-таки поели, то принялись распаковывать доспехи и готовить факела. Осеню темнеет быстро, и предстоящий бой, на освещенной факелами арене, будоражил кровь.

Славку на ристалище, конечно, не пустили, как он ни про-

сился, а вот Владу кое-какой доспех нашелся. Надо сказать, у него неплохо получалось. Он быстро запоминал удары, стойки, легко уворачивался от хитрых финтов и один раз ему удалось даже задеть самого Артема!

– Если бы не знал, что ты новичок в этом деле, сказал бы, что уже минимум полгода занимаешься, – похвалил воевода. – Из тебя получится настоящий боец! Если будешь тренироваться, думаю, что уже на ноябрьской встрече с москвичами можно будет тебя выставить!

Кому не приятно слышать такие слова? Особенно новичкам! Это подкупает. К тому же Влад уже и не чувствовал себя новичком. К тому располагала и обстановка, и теплая дружеская атмосфера, где никто не стеснялся проявить себя. Здесь все были равны. И Влада с самого начала приняли в команду как равного среди равных.

Так размышлял Влад, неспешно возвращаясь в дом. Там уже горели свечи, мальчишки упаковывали снаряжение и вынимали из глубоких рюкзаков припасенные пироги. Впереди был долгожданный чай у костра. Но перед чаем было еще кое-что, и это было сделано специально для Славки. Артем объяснил ему, что дружинное братство – это не только вторая семья, где всегда помогут и поддержат, но это еще и большая ответственность. Ответственность за товарищей, ответственность за себя, за свои поступки. За то, что сошло бы с рук простому мальчику, дружиннику придется отвечать вдвойне. Кроме этого, у война есть целый кодекс

строгих правил, которых необходимо придерживаться всегда. Даже когда устал и совсем не хочется, в любом обществе, и даже тогда, когда никто не видит. Готов ли Славка взять на себя такую ответственность? Если да, то тогда открой для себя эти правила.

На некотором расстоянии от лагеря теплился огонек безопасной свечи, возле яркого света костра, его не сразу можно было разглядеть.

– Пойдем, – произнес Артем. – Там ждет тебя первое правило.

Славка развернул листок, приколотый к земле стрелой, и прочитал:

– Не лги. Никогда!

– Оставаться честным и искренним в любой ситуации этому очень сложно научиться, особенно в наше время. Поэтому это правило стоит на первом месте. Нужно быть прямым, как эта стрела! – Артем говорил это, следуя ко второй свече. Уже после того, как Славка отыскал ее бледное сияние у темных стволов. – Ну, открывай второе.

– Не говори двух слов там, где от тебя ждут одного.

– Это тоже относится к первому правилу, поэтому они стоят рядом. Будь осторожен с теми, кто много говорит. Смотри внимательно и поймешь, что с помощью слов они не несут информацию, а наоборот, пытаются ее скрыть. Научись понимать между слов. И помни, тебе цена – твое слово! Ищи третью!

Здесь Славке пришлось повозиться. Свеча стояла далеко, и Славка пару раз пытался идти в неправильном направлении, пока, наконец, не обнаружил ее.

– Не ищи покоя и бездействия. Будь там, где труднее.

– Это правило стоит третьим, но оно не менее важное, чем предыдущие два. Над ним ты подумаешь сам. Завтра расскажешь мне, чем опасно такое состояние и чем оно, в конце концов, оборачивается для мужчины. Пойдем, времени осталось мало, а впереди еще семь свечей.

Влад плелся следом, чуть позади, чтобы не смущать брата. Ему, как ребенку, тоже было интересно, что говорил Артем, и какие правила будут следующими. Всего их было десять, и отыскав их всех, они, сделав круг, вернулись к костру.

Ребята выстроились в строй и Славку выставили впереди. Воевода со свечой в руке подошел, и обратился к Славке:

Как эти маленькие свечки указали тебе дорогу сквозь ночной лес, так пусть эти законы ведут тебя по жизни, и ты никогда не сойдешь с пути. Только помни их и никогда не нарушай. Малодушие – тоже большой грех, и плата за него всегда высока.

А теперь, когда ты ознакомлен с нашим Кодексом, скажи перед лицом всех ребят, клянешься ли ты выполнять его и придерживаться?

– Клянусь!

– Сегодня ты хорошо проявил себя и достоин стать орленком, нашим младшим боевым товарищем! В память о сего-

дняшнем дне и в качестве символа отряда, прими этот значок. Носи его с гордостью и честью!

С этими словами Артем пристегнул на грудь Славке маленький металлический прямоугольник. Старый значок, еще советской поры. Сверху на нем было написано «Ленинград», ниже, на алом закатном небе, наводила свои стволы «Аврора», и мальчик в будёновке твердо и решительно устремлял взор в необозримую даль светлого будущего. Ниже всего этого крупными буквами было выведено «ОРЛЕНОК». Сколько прожил Влад в Питере, никогда подобного не встречал. Славка же просто сиял от счастья. Казалось, дай ему сейчас в руки гранату, и он, без раздумий, бросится под танк. Хорошо быть ребенком, подумал Влад. Нет еще никакого пессимизма, изъязвляющего душу, никакой усталости от жизни, что иногда накатывает и, тогда кажется, что вся эта людская суета, возня, бессмысленна и бесполезна. Сегодня что-то переменялось, но надолго ли?

— Где ты его нашел? — спросил он у Артема, когда Славка отошел хвастаться значком.

— Еще в прошлом году, — ответил тот, — когда помогали дяде Ване в домиках убирать. Но сейчас пора ужинать, доставайте свои тарелки.

Никогда еще не были так вкусны макароны с тушенкой. Когда унялся первый голод, ребята принялись дружески подшучивать друг над другом, кто как вел себя на ристалище. Никто не обижался. Потом пили крепкий, душистый чай, по-

очередно перебирая струны гитары. Каждый играл как мог и что мог. Когда дошла очередь до Артема, он еще раз отхлебнул из кружки, и принял протянутую гитару. Провел рукой по струнам, раздумывая, что спеть, и приступил. Голос у него был хорош.

Я мечтаю летать, но шагаю по пыльным дорогам,
Не привыкну никак, что отныне мой жребий решен...
Не смирюсь никогда.

Я прибавлю гордыню к порокам!
Я найду избавленье. Я вновь покорю небосклон!
Я верну себе пламенный танец сверкающих молний!
Не пристало хозяину неба скрываться в глуши...
Ветер, стой! Хватит рвать мою совесть! Я вольный!
Эй, маэстро, послушай... Меняю судьбу... Я решил.

Пел он негромко, но все было прекрасно слышно, так как все разом замолчали, перестали стучать ложками и даже шуршать обертками конфет.

Мы не люди,
Я всегда это знал, но не знал, как сказать...
Мы не люди,
И не наша вина
В том, что мы не умеем любить!
В нашей сути,
Да, конечно, маэстро, налейте вина...
В нашей сути
Вечный танец огня и попытка чего-то забыть¹...

С последним аккордом у Влада по спине пробежал неясный холодок. Захотелось решительно действовать, что-то кардинально поменять в своей жизни. Немедленно... нет, лучше с завтрашнего дня, прямо с утра. Поступить не так, как он поступал обычно. Начать новый день по-новому. Еще вспомнились старые друзья. Были бы они здесь, уже бы давно набрались. Да и он вместе с ними, наверное... Песня уже закончилась, и Артем развлекал всех тем, что вынимал угли из костра и смело держал их прямо на ладони. Кто-то хотел повторить этот фокус, но тут-же отдернул руку. Обжёгся. А Артем шутил, что сначала нужно подружиться с духом огня, а уж затем каштаны из огня таскать.

Ребята посидели еще немного и стали расходиться. Завтра намечался ранний подъем. Славка, оказывается, вообще, уже спал. Прямо сидя. Влад поднял его и повел укладывать в дом. Они уходили последними. У костра оставался только Артем.

– Влад, отведи брата и возвращайся, – тихо произнес он. – Боюсь, нам с тобой сегодня не придется поспать.

А спать хотелось жутко. Только предстоящая интрига заставила Влада выйти из сонного домика, где укладывались и тут же засыпали его новые товарищи. Что же Артем такого задумал?

Он застал его все в той же позе. Задумчиво ворошащим палкой угли и уставившегося в пляшущее пламя. Будто от-

крывалось ему там нечто, не видимое другим. Влад не стал нарушать его безмолвия. Просто тихо сел напротив. Из-за игры света и тени лицо воеводы казалось неестественно вытянутым, черты лица неправдоподобно заостренными. На приход Влада он никак не отреагировал. От нечего делать, Влад обхватил руками колени и стал вглядываться темную бездну неба. Звезд почти не было.

– Помнишь, ты спрашивал меня, зачем мне Регин? – вдруг спросил Артем, не отрывая взгляда от огня.

Влад недоуменно посмотрел на него. Он что, позвал его пооткровенничать? Стоило для этого напускать столько таинственности?

Артем, наверное, почувствовал неподобающее настроение Влада, потому что снова замолчал, раздумывая, говорить дальше или нет. Чтобы подтолкнуть своего обидчивого друга к разговору, Влад повторил вопрос извиняющимся тоном:

– Ну, так зачем тебе Регин?

Артем бросил испытывающий взгляд на собеседника и, не отводя глаз, заявил:

– Он убил моего деда.

Влад не нашел и тени иронии в его лице, поэтому переспросил:

– То есть, как убил? По-настоящему? Несчастный случай?

Влад не мог поверить, чтобы человек, которого он знал столько лет, который, к тому же работает в школе, и которого

его младший брат чуть-ли не боготворит, оказался убийцей. Но Артем продолжал настаивать на своем.

– Не думаю, что это была какая-то случайность. Моего деда не так просто было убить. Он всю войну прошел. Нет, это было преднамеренно.

– А ты уверен, что это вообще он?

– Еще недавно сомневался, но теперь – да, уверен!

– Наш милый трудовик?!

– Он не тот, за кого себя выдает и не тот, за кого вы его принимаете!

– А кто же он?

– Он... он – чудовище!

Артем замолчал на пару секунд и добавил:

– Знаю, словам трудно поверить, поэтому поехали, покажу кое-что!

– Куда?

Но Артем уже шагнул в сторону сторожки. В ее пристройке стояло два новых скоростных велосипеда.

– Выбирай любой! – предложил Артем, когда они окрыли навесной замок и вошли внутрь. – Дядя Ваня для внуков прикупил, чтобы здесь катались. Но так как они сюда редко приезжают, разрешает их брать мне. К тому же, к утру они уже будут на месте!

Артем набрал код на одном из замков и стал выводить велосипед на улицу.

– Отцепляй второй! Код – 2003. Год рождения Игоря.

Скоро они уже мчались по освещенной луной дороге прочь от лагеря.

– Сейчас выедем на асфальтированную дорогу, там поднажмем, – предупредил Артем. – Эх, ночь такая светлая! Даже фонарики не понадобятся! А я прихватил!

Через десять минут езды и впрямь впереди показалась черная лента шоссе. По такой можно гнать на всех скоростях!

– Поторопимся! – волновался Артем. – У нас остался час.

Влад хотел спросить, час до чего, но не стал сбивать темп и дыхание. Выкладывался вовсю. Будто участник скоростного заезда.

Зря Артем переживал, добрались за сорок минут. Въехали в какой-то дачный поселок. В редких домах горел свет. Жили здесь, в основном, пенсионеры, а они, как известно, ложатся спать рано.

– Что ты хотел мне здесь показать? – восстановив дыхание, произнес Влад.

– А ты не догадываешься? Сам же говорил, что у трудовика за городом дача. Так вот, я ее нашел!

– И...?

– И сейчас он здесь!

– Что ты предлагаешь? Ворваться к нему и побить? Отомстить за дедушку?

Артем ответил на эту иронию таким выражением лица, что Влад сразу втянул язык обратно.

«Черт! Зачем он поплелся за Артемом! Хороший мальчик!» – передразнил он мать про себя – «Знала бы она во что он его впутывает и чем все это может закончиться! Зачем он, вообще, поперся в этот „Орленок“. Еще и брата к этому психу притащил!»

– Чтобы ты сейчас не увидел, молчи! – предостерег Артем. – Если он нас заметит – нам не поздоровится! Хорошо, если ноги унесем! Я серьезно! Не выдай себя ничем!

Оставив велосипеды, они перемахнули высокий забор. В тени вишневых деревьев прокрались к сараю, из щелей которого пробивался мягкий желтый свет.

– Hans, ich glaube er ist aufgewacht. Benachrichtigen Sie die Führung und sagen Sie Maynard Bescheid.

Заслышав немецкую речь, первым желанием было вскочить, треснуть по голове этому фрицу и бежать. К сожалению, слабость была такой сильной, что он смог лишь приподнять руку и бессильно уронить ее на кровать.

– Sie können sich bewegen, das ist gut!

«Чего хорошего? Хорошо было бы, если бы он был на его месте! А так...»

Георгий отвел от доктора взгляд. Если его собрались лечить, значит, он еще нужен. Нужно лишь выяснить для чего, собрать как можно больше информации, и бежать. Сей-

час была идеальная возможность. Он был в доме с доктором один. Если бы не был так слаб, попытался бы взять его в заложники и уйти. Очевидно, он в какой-то деревне. Возможно, здесь есть еще русские. Нужно установить с ними связь. Все это промелькнуло в голове Георгия за долю секунды.

– Где я? – ссохшиеся губы еле разомкнулись.

– Sprechen Sie nicht! Sie müssen Energie sparen. Ich rufe gleich Erna.

В дом вошли двое эсэсовцев. Первый очень плотный, подтянутый мужчина с суровым лицом, на котором блуждало плохо скрываемое чувство брезгливости. При его появлении доктор моментом вытянулся в струнку, будто выстрелила сжатая пружина. Следом, пригнувшись, появился второй, долговязый и худой, как жердь.

– Rührt euch! In welchem Zustand ist er, Doktor? Kann er uns irgendetwas sagen?

– Ich glaube nicht, Herr Oberleutnant, er ist gerade erst aufgewacht und ist immer noch zu schwach. Ich werde Erna bitten ihn zu füttern.

Человек, в чине оберштурмбаннфюрера, подошел к кровати, демонстративно прикрывая нос белоснежным платком.

– Nun das wird Sie!

Он взглянул в глаза Георгию и произнес:

– Sie sind wie immer sehr freundlich Doktor! Ich denke unser Gast wird reden. Zumindest von paar Fragen stirbt er nicht.

Wolfgang, Sie fangen an?

К кровати подошел долговязый и начал:

– Кто вы, мы уже знаем. При вас были документы. Это хорошо! Расскажите нам, как вы сюда попали?

– Не помню, – Георгий прикрыл глаза. Не рассказывать же им про дракона, в которого и сам уже не верил. Не было ли это все плодом его воображения, кошмаром, вызванным болезнью?

– Понимаю. Не хотите говорить. Но, поверьте, вам лучше сотрудничать с нами. Мы очень лояльны к тем, кто идет нам навстречу. В противном случае вы будете нам не интересны и тогда мы вас «пиф-паф». Но, надеюсь, до этого не дойдет. Сейчас вас покормят, вы отдохнете, подумаете, и будьте готовы отвечать на все наши вопросы. Не будьте таким упрямым. Это не принесет вам никакой выгоды.

Жердьяй кивнул головой командиру и тот привстал с табурета.

– Doktor, sind Sie sicher das er das ist?

– Schwer zu sagen. Wir müssen noch ein paar Tests machen. Auf jeden Fall ist er sehr interessant für die deutsche Wissenschaft. Er hat ideales Regenerationssystem. Am ihn heilt alles wie an der Katze.

– Gut. Setzen Sie die Experimente fort. Aber ich bin mir ganz sicher dass wir einen großen Fehler machen. Sie müssen ihn hier nicht halten. Auf jeden Fall muss die Sicherheit hier verstärkt werden. – С этими словами командир удалился. Следом, по-

слушной собачонкой, выскочил и переводчик.

Доктор же снова подошел к больному и раскрыв глаза рукой посветил в глаз фонариком.

– Уйди, гад! – Георгий зажмурился еще крепче. Яркий свет ослепил его так, что его желтое пятно проявлялось и сквозь закрытое веко.

Доктор же почему-то рассмеялся, довольно потер рука об руку, и стал расхаживать по комнате, как кулик по болоту.

– Es scheint das Erna gekommen ist.

В комнату вошла девушка с разносом в руках. Очень милостивая, одетая в немецкую крестьянскую одежду, которая никак не соответствовала ее модной стрижке и ухоженным, утонченным рукам. Она поставила разнос на табурет, на котором еще недавно сиживал их подполковник, а сама присела рядом на кровать. Аккуратно зачерпнула из тарелки, и поднесла ложку к плотно закрытым губам Георгия. Куриный бульон пах очень недурственно. Желудок ответил утробным урчанием.

– Не упрямитесь, вам лучше поесть, – сказала ряженая крестьянка на чисто русском языке. – Пока вы живы, у вас есть хоть какая-то надежда на спасение, а умерев, вы уже никому не поможете.

– Вы – русская? – удивился летчик.

– Мать была русской. Ей было девять лет, когда им пришлось эмигрировать во Францию, а когда вышла замуж, уехала в Берлин. Она и учила меня языку. Но сейчас это

не важно, важно чтобы вы поели.

Георгий проглотил содержимое ложки и затем забрал ее.

– Я вполне могу поесть сам. – «Не хватало еще, чтобы он ел из рук фашистских оккупантов!» – Как вас зовут?

– Эрна. А вас, кажется, – Георгий?

Ложка едва заметно дрогнула в руках. «Ах, да, документы...»

– По-нашему Георг, – повторила Эрна. – Вы не против, если я буду вас так называть? Мне так будет привычнее. – Ну вот, вы уже улыбаетесь, значит пойдете на поправку! Доктор говорит, здоровье у вас как у быка! Или как у медведя. Большого русского медведя! У-у-у...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.